

Михаил Иванович Пыляев

**Начало зрелищ, балов,
маскарадов и других
общественных увеселений в...**

*Часть сборника
Замечательные чудаки и
оригиналы (сборник)*

Михаил Иванович Пыляев
Начало зрелищ,
балов, маскарадов и
других общественных
увеселений в России
Серия «Старое житъе»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=621885

Михаил Пыляев. Замечательные чудачки и оригиналы: Эксмо; Москва;
2008

ISBN 978-5-699-26293-9

Аннотация

«Скоморохи всегда были любезны русскому народу, они были не только музыканты, но соединяли в себе разные искусства: одни играли на гусях, гудке, сопели, сурме (трубе), другие били в накры, бубны, третьи плясали, четвертые показывали медведей, собак. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умевшие прибаутками и сказочными присказками потешать и разглаживать морщины слушателя. Некоторые из них носили на голове доску с движущимися фигурами и забавляли зрителя

позорами или сценическими действиями, такие наряжались в скоморошное платье, надевали на себя хари, личины и т. д. ...»

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

М. И. Пыляев

Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России

I

*Древние скоморохи. – Рассказы Олеария. –
Кукольные комедии, «райки», «вертепы»,
представления «халдеев», «пещное действо»,
придворные потешники. – Заезжие игроки
на органах. – Первые театральные
представления. – Комедийная хранина. –
Драматическое искусство. – Мистерии. –
Спектакли царицы Софии. – Ученические
представления. – Первая актриса и бояре-актеры*

Скоморохи всегда были любезны русскому народу, они

были не только музыканты, но соединяли в себе разные искусства: одни играли на гусях, гудке, сопели, сурме (трубе), другие били в накры, бубны, третьи плясали, четвертые показывали медведей, собак. Были и глумцы, стихотворцы-сказочники, умевшие прибаутками и сказочными присказками потешать и разглаживать морщины слушателя. Некоторые из них носили на голове доску с движущимися фигурами и забавляли зрителя позорами или сценическими действиями, такие наряжались в скоморошное платье, надевали на себя хари, личины и т. д.

Непрерывный ряд обличений, которыми духовенство всегда громит любезных народу скоморохов, свидетельствует о распространенности и давности скоморошества. Скоморохи возбуждали охоту в зрителях, и последние сами принимали участие в их игрищах, принимаясь петь и плясать. Скоморохи ходили большими труппами, человек в пятьдесят и более из села в село, из посада в посад, представляя свои позоры преимущественно в праздники, «ленивые, безумные невегласы дожидаются недели (воскресного дня), чтобы собираться на улицах и на игрищах, – говорится в предисловии к слову о неделе св. Евсевия, – и тут обрящеши ина гуляша ина плещуша, ина поюща пустотная, пляшуша, ови борящася и помазающа друг друга на зло».

Н. Костомаров говорит: «В самый праздничный день гульба начиналась с самого утра, народ отвлекался от богослужения, и так веселье шло целый день и вечер за полночь. Ме-

стами представлений были улицы и рынки, от этого самое слово „улица“ иногда означало веселое игрище, и старые, и малые глазели на них и давали им кто денег, кто вина и пищи. Но нередко скоморохи, лишённые всякого покровительства власти, терпели и насилие от частных лиц. Последние зазывали их в дома и вместо того, чтобы давать им, отнимали у них то, что они получали, ходя по миру, да вдобавок ещё колотили. Правительство, иногда следуя внушениям церкви, и само не раз приказывало воеводам ломать и жечь их инструменты и хари, и бить батогами тех, кто созывал к себе песенников и глумцов.

В поучениях о казнях Божьих Феодосия Печерского встречаем упоминание в числе других искушений рода человеческого и о скоморохах с гусями, сопелями и всякими играми и делесы неподобными». В житии последнего святого, писанным Нестором, представляется целая картина пира при дворе Киевского князя. Придя однажды к князю, Феодосии застал его окруженным множеством певцов и скоморохов: одни играли на гусях, другие на органах, иные на голосах пели песни. Феодосии смутил князя на мгновение вопросом, так ли будет на том свете, и веселье на время прекратилось, чтобы возобновиться по уходе святого, т. к. таков был обычай у князя».

Другие обличения духовенства рисуют нам скоморохов главнейшими участниками народных обрядов. На свадьбе они играют одну из первых ролей и идут всегда с песнями,

плясками во главе свадебного поезда. Настанет ли тризна по умершим или сойдется ли толпами народ на кладбище, являются скоморохи, настроение меняется, печаль уступает место необузданному веселью, и «мужи и жены от плача преставшие начнут скакати и плясати, и в ладони бити, и песни сатанинские пети». Купальские и колядные обряды также не обходились без участия скоморохов. Игра на замрах или зурнах, домрах, гудках, шутовские песни, целые сцены с правильными распределениями ролей между членами скоморошьяй труппы, одетыми в пестрые костюмы, увешанные бубенчиками, переряженные в звериные шкуры или людские наряды и маски (хари, скураты), – все это практиковалось скоморохами.

Участвуя в народных обрядах, они входили во внутренний быт народа, проникали в семейную жизнь и славились остроумием и находчивостью, нередко ставились посредниками в решениях важных семейных вопросов.

Даже в пословицах, с виду иронически относящихся к скоморохам, слышится расположение к ним: «Волянка да гудок, собери нам домок», «Соха да борона разорила нам дома», «Бог дал попа, а черт – скомороха» и т. д.

Впечатление скоморошьях игр было до того сильно, что увлекало за собой даже представителей того начала, которое искони было враждебно всякому остатку древней жизни. В поучениях митрополита Даниила говорится: «Нецыи от священных яже суть сии пресвитеры и диаконы, и иподиаконы,

и четци, и певцы, глумясь играют в гусли, в домры, в смыкии в песнях бесовских и безмерном, и премногом пьянстве, и всякое плотское мудрование и наслаждение паче духовных любяще».

Как мы выше уже говорили, одно время, особенно при царе Михаиле Федоровиче, противодействие духовных властей встречает поддержку и в светских властях. Так, при этом царе однажды в Москве не только у скоморохов, но и вообще в частных домах музыкальные инструменты отбирали и сжигали; таким образом их было тогда истреблено на костре пять возов. Из патриаршей грамоты этого времени видим, что по праздникам в Москве великие бесчинства творятся, и вместо духовного торжества и веселья жители предаются играм и кощунам бесовским, сзывают по улицам медведчиков¹ и других скоморохов, приказывают их на торжищах и распутиях сатанинские игры творити, в бубны бити, в сурны ревети и руками плескати и плясати, и иная неподобная деяти.

По свидетельству Олеария, при царе Алексее Михайловиче у нас уже устраиваются переносные сцены с представлениями марионетных пьес. «Для этого, – говорит он, – они обвязывают вокруг своего тела простыню, поднимают свободную сторону ее вверх и устраивают над головой своей таким образом нечто вроде сцены, с которою они и ходят по улицам, и показывают на ней из кукол разные представления».

¹ Представления с медведями, козы в сарафане ввелись у нас во время Бориса Годунова – вывезены они были из Сибири.

Иногда же вместо подобного устройства скоморохи носили на голове, как мы уже выше говорили, простые доски с подвижными куклами, придавая им различные забавные положения; такие скоморохи, как говорит тот же Олеарий, были как русские, так и голландцы; представляемые ими фарсы были в духе и характере народного вкуса, и все они носили на себе яркий отпечаток сальности и цинизма. На такие неблагоприятные представления стекалась большая толпа, и на них не только с жадностью смотрела молодежь, но и дети, и женщины. Цинизм фарсов заключался в передаче движениями марионеток, речами и даже телодвижениями скоморохов сладострастных сцен, причем не стеснялись изображением их в самых грубых формах, оскорбляющих стыдливость обоих полов. Сюжеты тогдашних кукольных комедий, надо полагать, мало разнились от наших петрушек. Такие комедии посейчас еще играют в Москве под Новинским и на дворах в столице. Содержание этих представлений и теперь большою скромностью похвалиться не может. Тот же цыган, продающий лошадь, та же Варюша, петрушкина невеста, и тот же козел, квартальный и черт. В старину также известны были еще вертепы или райки; в Малороссии с ними ходили ученики семинарий по домам граждан в Рождество и на Пасхе. Такие вертепы были не что иное, как те же театрики марионеток, они существовали в Польше уже в давние времена, назывались они там *яселки* или *szopka*. Представления по городам и селам начинались с конца декабря и продолжа-

лись до февраля. При яселках речи действующих лиц произносил ученик, скрытый позади сцены, а товарищи его пели рождественские канты, представлялось: Христос, лежащий в яслях на сцене, осел и воз стоят при яслях; Иосиф, св. Дева принимают лиц, приходящих на поклонение. На этой же сцене потом идет светское представление, и из боковой башенки выходит здоровенный поляк с деревянною саблею, к нему присоединяется его жена в чепце, после взаимных поклонов они танцуют польский и уступают место смуглому украинцу, который, поклонясь зрителям, лихо выплясывает со своей сударушкой, является затем немец в панталончиках в обтяжку, а за ним с трудом следует толстая немка, далее бурливый забияка с толстой палицей шумит и достает своим оружием носы любопытных зрителей, малорослый, но крепкий краковяк в живописном костюме своей родины, отправив до дому свою Катюшу, вступает в драку с забиякой. После Ирод, со скипетром в руках и в сопровождении своего наперсника-жидка, произносит угрозы на весь мир, но потом умирает в ужасных муках, жидок подвергается той же участи, а жена Ирода, Ревекка, оплакивающая судьбу его, увлекается нечистыми в ад, вместе с телом мужа. Затем колдунья масло пахтает, а дьявол выпивает у ней сметану. Напоследок дряхлый старик с мешком для денег просит себе смерти, и тем кончается представление.

Олеарий еще рассказывает о так называемых халдеях, которые получали от патриарха ежегодно позволение перед

Святками и Масленицей производить свои представления. Халдеи одевались, совершенно как немецкие актеры карнавальных празднеств, в деревянные расписные шапки, бороды у них были обмазаны медом для того, чтоб не поджечь их огнем, халдеями они назывались потому, что представляли рабов царя Навуходоносора, которые разводили огонь в печи для наказания трех отроков. О древнерусских халдеях, по свидетельству профессора Архангельского, в первый раз упоминается в приходе-расходной книге новгородского архиепископского дома. Представление халдеев носило название *Пещное действо*, совершалось оно в Москве, Новгороде и Вологде. Действо совершалось за неделю перед Рождеством, в воскресенье, во время заутрени. Посреди церкви ставилась печь. Такая печь сохранилась по сей час в музее Академии художеств: она состоит из двенадцати столбов, украшенных резными и скульптурными изображениями святых. В церковь входили отроки, набранные из певчих или монастырских служек. На них были надеты шапки, обшитые заячьим мехом и сверху позолоченные и раскрашенные, одеты они были в длинные платья из красного сукна, халдеи снабжались белыми убрусами (полотенцами), которыми в назначенное время должны были связать руки отрокам и затем вести их к печи. У халдеев были в руках еще какие-то длинные трубы. Кроме этих лиц в действе участвовал еще так называемый учитель отроческий. Отроки собственно в печь не ввергались, а стояли подле нее, под печь ставили

горн с горячими углями, и при печи стояло до 50 подсвечников. Обряд действия был связан тесно с богослужением. Среди служения однообразно звучали речи халдеев: товарищ зовет один другого, когда отроки отказывались поклониться золотому тельцу «Чаво?» – отзывается другой. – «Это дети царицы». – «Нашего царя повеления не слушают?» – «Не слушают и златому тельцу не поклоняются». – «Не поклоняются?» – «И мы вкинем их в печь. И начнем их жечь». Ответы отроков на требования халдеев были следующие: «Видим мы печь, – говорит один из них, – но не ужасаемся ее; есть бо Бог наш на небеси, Ему же мы служим», – и т. д. В последнюю минуту является ангел с небеси. Ангел спускался в трубе «зело велице», на деле же это не исполнялось, и ангела заменял образ, на котором был изображен архангел, образ этот почему-то был подбит кожей. По рассказам, впрочем, очевидца Флетчера, ангел слетал с церковной крыши, к величайшему удивлению зрителей, при множестве пылающих огней, производимых посредством пороха халдеями, по другим рассказам, дьяконы и причетники кидали горсти плауна (*Semen lycoperidium*) на свечи и направляли вспыхивающие искры на халдеев.

Скоморохи известны с XV столетия, но только середину XVII века можно назвать эпохой скоморохов. В эти времена, помимо странствующих скоморохов, были и такие, что жили постоянно при царском дворе или при домах богатых и знатных бояр. В былине о «Чуриле Пленковиче» говорится о

придворном постельнике, что, по должности и обязанности службы сидя у изголовья, потешал князя и княгиню игрой на гусях, у царя Иоанна III был на службе при дворе органист, по имени Иван Спаситель, каплан белых чернецов Августинова ордена. При Иоанне Грозном придворные скоморохи уже играли при царском столе видную роль, с ними сам царь иногда пел разгульные песни и плясал в «машкарах».

По писцовым книгам 1500 года между прочими людьми и ремесленниками упоминаются скоморохи в некоторых погостах. Особенно ими изобилует город Ямы. В нем стояли двор Игнач-скоморох, двор Куземка Олухнов-скоморох, двор Олексейко-скоморох, двор Зелена-скоморох, двор Офоноско – да Радивонки-скоморохи. Не зная никакого ремесла, они потешали народ музыкой и своими штуками. Очень понятно, что в тогдашнем обществе скоморохи не пользовались таким почетом, какой теперь воздают преемникам музыкально-сценического ремесла их. Дворы их поставлены в писцовых книгах наряду с дворами пастухов, которые тоже считались последними людьми в городе.

В следующем столетии при дворе царя Михаила Федоровича уже служат разные заезжие игроки на органах и клавинох, а также разные цимбальники-скрипичники, научившиеся этому искусству у иностранцев. При дворе царя Алексея Михайловича разная *шпильманская хитрость* уже находит полное применение. Московский двор того времени от-

личается блеском и пышностью, просвещенный боярин той эпохи Артамон Сергеевич Матвеев, из дома которого была взята царица Наталья Кирилловна, дает вкус веку и имеет модное влияние на придворную жизнь. Он вызывает из-за границы многих актеров и музыкантов, и в его время царь уже преследует грубое скоморошество и на своей свадьбе заменяет прежние музыкальные потехи пением. Так, в описании царской свадьбы (Рос. вивлиофика. Ч. XIII. С. 214) мы читаем: «Да на прежних же государских радостях бывало в то время, как государь пойдет в мыленку, во весь день с вечера до ночи на дворе играли в сурны и в трубы и били по накрам; ныне великий государь на своей государевой радости накрам, трубам быти не изволил. А велел государь в свои государски столы вместо труб и органов, и всяких свадебных потех пети своим государевым певчим, дьякам, всем станицам, переменяясь, строчные и демественные большие стихи от праздников и в триодей драгие вещи со всяким благочинием». Многие из придворных царя, как, например, князь Ив. Ив. Шуйский, князь Д.М. Пожарский и князь Шейдяков, имеют своих собственных скоморохов. Олеарий рассказывает о позитиве (органе) и всякого рода других музыкальных инструментах, которые имел у себя друг немцев великий боярин Никита Иванович Романов. По свидетельству «дворцовых разрядов», на комедийных потехах в то время играют уже иностранцы-музыканты, да еще дворовые люди боярина Матвеева; последний в 1673 году заводит даже театраль-

ное училище, подготовлявшее актеров и музыкантов русско-го происхождения. В эпоху тишайшего царя, масса отечественных скоморохов увеличивается большим количеством заходящих иноземцев, комедиантов, фокусников и т. д.

По свидетельству современников, этот царь в первый раз слышал музыку на органах, фиолах (скрипках), трубах и других инструментах в своем дворце 2 октября 1672 года. Такое исполнение музыкальных пьес было исполнено вновь прибывшим в Москву немецким оркестром под управлением Готфрида Грегори. Оркестр очень понравился царю; последнее обстоятельство дало смелость Грегори испросить у государя позволение и на театральное представление; репертуар Грегори состоял из пьес духовного содержания; сам он был тоже духовное лицо – пастор. Царь дал согласие на открытие таких представлений, назначив местом их свой дворец в селе Преображенском, и ровно через месяц состоялось первое представление: давали комедию «Как Олоферну-царю царица голову отсекла». Участвовал в представлении сам Готфрид Грегори и «его компания», хор же музыки состоял из смешанного русско-немецкого оркестра, обученного из дворовых людей боярина Матвеева немецкими придворными музыкантами и органистами. Успех первой пьесы был блистательный, актеры были вознаграждены царем щедро, а самая пьеса была переплетена в сафьяне с золотом.

Впоследствии труппа пастора Грегори состояла из посадских детей, отданных во науку Грегори боярином Матвее-

вым. На первый раз таких учеников ему отдано было 26 человек, на содержание их было положено от казны поденно, пока «будут в учении у магистра, – как тогда называли Грегори, – по четыре деньги человеку на день». Грегори жил в Новонемецкой слободе, и там же помещалась школа «Комедийного действия».

Содержание, отпускаемое на школу казною, по-видимому, было крайне недостаточно, и в сохранившейся жалобе учеников говорится, что «корму им не учинено, и что они, ходя к магистру, платышком ободрались и сапожишками обносились и пить-есть нечего». Костюмы шились также на казенный счет, равно как изготовлялись на деньги Приказа парики, бороды и мелкие бутафорские вещи. Так, Грегори было однажды выдано на платье ангелов и на молодого «Тавию и на спусьшествеников его 30 рублей». В другой раз выдано на «бороды евреев и на иную меньшую починку пять рублей».

На первом представлении царь был без семейства, позднее мы видим, что представления уже давались в присутствии царицы и всей семьи. Чтобы скрыть царицу от публики, говорит А. Веселовский, прибегали к средству, употребляемому нередко при торжественных выездах иностранных послов в Москву, на которое царица и великие княгини смотрели из закрытых помещений около ворот Кремля, в театре была устроена галерея с опускаемыми решетками. Как сцена, так и места, отведенные для царя и его приближен-

ных, покрывались коврами и красным сукном. Простые же зрители сидели на лавках, весьма незатейливых, которые покупали у подгородных крестьян. Сцена скрывалась от зрителей занавесом, который висел на продольной проволоке, укрепленный на ней медными кольцами. Театр освещался сальными свечами, вставленными в деревянные подсвечники.

За первым представлением последовал целый ряд других спектаклей. Особенно понравилась также еще пьеса об «Артаксерксе и Амане». На заговенье был исполнен дивертисмент, в котором играли только на органах и танцевали. Дивертисменты, составленные из декламации и плясок, исполнялись, по-видимому, чаще пьес; у Рейтенфельса, известного путешественника по России, сохранилось о представлении, бывшем в субботу на Масленице 1675 года: перед началом балета на сцену выступил актер, одетый Орфеем, и обратился к царю с речью в стихах, в ней он прославлял торжественный день, в который труппа снова дерзает потешать великого государя. Затем до небес превозносил прекрасные свойства души Алексея Михайловича и в заключение, обращаясь к двум пирамидам, стоявшим по бокам его рассвеченным разноцветными огнями и покрытым транспарантами в честь царя, он пригласил их танцевать с собою. За этими словами начался балет.

Самый же театр был построен в 1673 году; 22 января царь отдал приказ об устройстве комедийной хранины над апте-

кой; на работу было выслано 25 плотников, которые работали с замечательною поспешностью днем и ночью, так что не прошло четырех дней, как все уже было готово; к спектаклям стали приглашать и местных музыкантов; в документах, изданных Калачовым, видим, что были посылаемы «приказу галицкие чети молодые подьячие по три дня в Новонемецкую слободу по полковнику по Миколая фон Стадена и по музыкантам да по Тимофея Газенкруха с товарищи, как им велено быть в комедийных палатах для потехи». В составе оркестра видное место занимали небольшие органы, затем употреблялись фиолы, накры и трубы; были и другие «струменты».

Кроме пастора или магистра Грегори, во главе руководителей московского драматического искусства в последний год царствования тишайшего царя состоял еще некто шляхтич Степан Чижинский, бывший учитель Киево-Братской духовной академии. Профессор Буслаев полагает, что он явился в Москву не случайно. Представления Грегори, дававшие буквальные и часто тяжелые переводы немецких пьес, никак не могли удовлетворить тогдашнее русское общество; они могли представлять интерес случайный лишь на первые разы, но затем неизбежно должны надоедать; боярин Матвеев, по-видимому, был озабочен тем, чтобы придать первому театру чисто русский или славянский характер. Чижинский поставил несколько пьес, лучшая из них была «Давид с Голиафом». Труппа, которую он обучал, состояла

из 80 человек разного звания людей; каждый учившийся получал по алтыну в день. Из писателей народных драм известен был еще Сильвестр Медведев; родом он был из курских подьячих, ученик и друг Симеона Полоцкого. Он известен так же, как автор записок о первом Стрелецком бунте. Медведев, в угоду царевне Софье, написал две пьесы: небылицу в лицах «Меч-кладенец» и первую русскую сатирическую комедию «Шемякин суд». Автор этих пьес, Сильвестр Медведев, был казнен в 1690 году вместе с Щегловитым за участие в заговоре с стрельцами по доносу греков Лихуд, основателей Греко-латинской академии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.